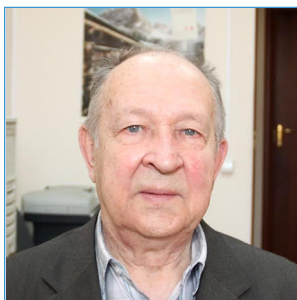

Т е м а н о м е р а : С о в р е м е н н ы е глобальные изменения в мире и России

Соотношение «общественного порядка» и «развития»

Красин Юрий Андреевич –
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Институт социологии Российской академии наук,
Москва

E-mail: krasinyua@yandex.ru

Соотношение «общественного порядка» и «развития»

DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.453

Социум – не застывшая вулканическая лава, а живая совокупность общественных связей, в чём-то меняющаяся от поколения к поколению, от эпохи к эпохе и тем самым влияющая на общественный порядок.

Аннотация. Социуму присущи два атрибутивных принципа, обеспечивающих общественную жизнедеятельность: упорядочивающий и креативный. Между этими началами постоянно возникает противоречие, вынуждающее общество к поиску оптимальной меры их соотношения. С зарождением сетевой структуризации социума возникает потребность в таком порядке, который, гарантируя стабильность общественной жизни, оснащён механизмом регулирования взаимодействия разнообразных частных интересов, что требует органического единства государственного управления и общественного самоуправления. В силу социокультурной специфики России целостность страны и общественный порядок обеспечиваются наличием сильной централизованной государственности, что затрудняет развёртывание демократического общественного самоуправления. Возникает вопрос: возможна ли эволюционная демократизация сложившейся в России модели власти в процессе её адаптации к нарождающейся практике сетевых связей и взаимодействий?

Ключевые слова: общественный порядок, развитие, информационное общество, сетевые связи, государственное правление, общественное самоуправление

Всякому социуму присущ определённый порядок функционирования. Люди просто не могли бы существовать, не говоря уж об организации производства и различных видах человеческой деятельности (иногда очень сложных), если бы их взаимоотношения оставались хаотичными, неподдающимися регулированию. Эти взаимоотношения упорядочены в рамках обычаев и установок, аккумулирующих многовековой социальный опыт, в нравственных предписаниях и правовых нормах, в конституциях и законах, закрепляющих исторически сложившийся общественный порядок. Однако социум – не застывшая вулканическая лава, а живая совокупность общественных связей, в чём-то меняющаяся от поколения к поколению, от эпохи к эпохе и тем самым влияющая на общественный порядок.

Некоторые изменения предусматриваются самим общественным порядком. Они легитимны и не затрагивают его устоев и несущих конструкций. Другие изменения вторгаются в сферу «святая святых» общественного порядка и тре-

буют существенного реформирования общественных институтов и стандартов социального поведения. Иногда же – в эпохи крутых переломов и социальных революций – возникает потребность в столь глубоких переменах, что на повестку дня встаёт вопрос о смене одного общественного порядка принципиально другим. На этих крутых виражах на передний план выступает диалектика дискретности и исторической преемственности в развитии социума.

«Порядок» и «развитие» как теоретические концепты

Философский аспект проблемы соотношения порядка и развития был освещён Карлом Марксом в юношеском произведении – докторской диссертации о различии между натурфилософиями Демокрита и Эпикура. Первооснову мира оба философа видели в атомах, двигавшихся в пустоте. Для Демокрита порядок движения был строго определён: падение неукоснительно по прямой линии. В отличие от него Эпикур допускал отклонение атома от прямой линии, и эта «игра случая» в его истолковании имела принципиальное значение: если бы атомы не отклонялись, то не было бы их столкновений и встреч, а мир никогда бы не сформировался. Неукоснительность (ригидность) порядка блокирует развитие, а случайное отклонение прорывает «законы рока» и порождает плюрализм и вариативность истории природы и общества [Маркс 1956: 42–44]¹.

Новые горизонты для понимания методологических проблем соотношения общественного порядка и развития открылись в 80-е гг. прошлого столетия, когда с лёгкой руки И. Пригожина и его школы началось переосмысление феномена «хаоса» в развитии природы и общества. Было признано, что хаос присутствует не только у истоков того или иного процесса, а потом вытесняется или, во всяком случае, подавляется порядком, устанавливающим для всякого развития некую колею, в которой оно развёртывается по незыблемому ритуалу в соответствии с объективно детерминированными нормативами управления. Утвердились представления, согласно которым хаос как антипод порядка существует в социуме всегда и везде, представляя в нём беспокойное начало, вносящее в действительность черты многовариантности, альтернативности, неопределённости и случайности, порождая риски для субъектов социального действия: «И порядок, и беспоря-

¹ Вслед за Эпикуром, идею случайного уклонения подхватил Лукреций Кар, введя в философию понятие «клиномена», проявляющегося в качестве неведомо присущего природе творческого начала; если бы этого не было, «То никаких бы ни встреч, ни толчков у начал не рождалось, И ничего никогда породить не могла бы природа» [Лукреций Кар 1946: 85].

док являются неотъемлемыми составными частями и продуктами коррелированных эволюционных процессов [Пригожин, Стенгерс 2001: 52].

Предлагаемый выдающимися учёными синергетический подход исключает противопоставление *бытия* как «устойчивого порядка» *развитию* как фактору, разрушающему порядок. Напротив, «бытие и становление должны рассматриваться не как противоположности, противоречащие друг другу, а как два соотнесённых аспекта реальности» [Пригожин, Стенгерс 1986: 383]¹.

Особенно важен вытекающий отсюда вывод о том, что хаос порождает не только разрушительные (антагонистичные по отношению к порядку), но и созидательные, можно сказать, инновационные (противостоящие застою), следствия. «Мы должны отыскать узкую тропинку, затерявшуюся где-то между двумя концепциями, каждая из которых приводит к отчуждению: концепцией мира, управляемого законами, не оставляющими места для инновации и созидания, и концепцией, символизируемой Богом, играющим в кости, концепцией абсурдного, акаузального мира, в котором ничего нельзя понять» [Пригожин, Стенгерс 2001: 223].

Исследования естественных наук в последней четверти прошлого века внесли большой вклад в методологию изучения сложных систем. «Теперь в литературе, – пишет В. Василькова, – говорится не столько об устойчивости систем, сколько о *связи* устойчивости и неустойчивости в системе. Это вызвано тем, что исследователей интересуют не системы вообще, а *изменяющиеся системы*, в которых неустойчивость есть предпосылка изменения способа их поведения» [Василькова 1999: 146]².

Любая более или менее сложная общественная система, будучи средой, пронизанной элементами хаоса и неопределённости, приобретает свойства «самопроизводства», «самосозидания», «саморазвития» («аутопойезиса»), не укладывающиеся в ригидные нормы управленческих стандартов.

¹ Позднее авторы пришли к заключению, что такой взгляд подводит к концу «представления о классической рациональности, связывающей понимание с открытием детерминистских законов, с открытием бытия за рамками становления. ...Подобно самим фундаментальным классическим законам природы, динамический хаос есть продукт нашего изобретательного и требовательного диалога с природой» [Пригожин, Стенгерс 1986: 215–216]. Автор содержательной монографии по этой тематике В. В. Василькова справедливо замечает: «Социальный порядок в синергетике предстаёт как живой, развивающийся по законам самоорганизации, «дышащий», пульсирующий организм – *становящийся, но не ставший*» [Василькова 1999: 282].

² Автор отмечает, что сама концепция социального порядка под влиянием естественнонаучных открытий эволюционировала «от поисков констант и условий равновесного и устойчивого порядка к осознанию роли неравновесных, динамических факторов, служащих необходимым условием саморазвивающегося, эволюционирующего порядка – порядка как способа поддержания изменчивости социальных систем» [Василькова 1999: 133].

Понятие «аутопойезис» на биологической основе было сформулировано в начале 1970-х гг. чилийским учёным Умберто Матураной [Матурана, Варела 2001]. Затем применительно к социуму оно было теоретически обосновано немецким социологом Никласом Луманом. Истоки и логику организации и развития общественной системы, согласно теории аутопойезиса, следует искать не во внешних детерминантах, а в самовоспроизводящих механизмах и операциях самой системы¹. Аутопойетическая система операционально закрыта и автономна по отношению к окружающему миру. «Система является своим собственным производением» [Луман 2007: 115]².

Управление не в состоянии абстрагироваться от этой внутрисистемной неопределённости перманентного процесса воспроизводства системы. Успех и эффективность управления определяются тем, насколько оно в поиске адекватных структур и действий опирается на вырастающую из глубин самой системы разветвлённую сеть саморазвития и самоуправления. Этот вывод подтверждает значимость теории аутопойезиса для разработки современных представлений о социальном порядке, органически увязанных с инновационным типом развития.

От сложившегося порядка к развитию общества

Порядок в социуме обеспечивается институтами, обычаями, традициями, ритуалами, в которых аккумулирован социальный опыт многих поколений разнообразных человеческих общностей. Однако общественная жизнедеятельность не сводится к простому воспроизводству сложившегося порядка. История представляет собой развитие социума, которое происходит благодаря тому, что социальные акторы (родовые союзы и племена, народности, классы и социальные группы, государства и нации) в той или иной степени автономны по отношению к сложившемуся порядку. Автономия эта вырастает из

¹ «Аутопойетические системы, - пишет Н. Луман, - представляют собой такие системы, которые в сети своих элементов порождают не только свои структуры, но и сами элементы, из которых они состоят. ...Элементы – это информации, это различия, которые производят различие в системе. И поэтому они являются единицами применения для производства следующих единиц применения, для которых в окружающем мире системы не существует никакого соответствия. ...Благодаря выделению системы из того, что остается в качестве окружающего ее мира возникают внутренние игровые пространства свободы, поскольку детерминация системы ее окружающим миром теряет свою силу. ...Аутопойезис, в его правильном понимании, означает, прежде всего, порождение *внутрисистемной неопределенности*, которая может быть редуцирована лишь собственными структурными образованиями системы» [Луман 2004: 68–69].

² «Система ...не только создаёт свои собственные структуры, ...но является автономной также на уровне операций. Она не может импортировать операцию из окружающего мира...» [Луман 2007: 113].

подверженных изменениям интересов и идей, побуждающих их к отклоняющимся («клиноменным») действиям, не укладывающимся в матрицу существующего порядка. Между двумя началами общественной жизнедеятельности – упорядочивающим и креативным – всегда существует противоречие, вынуждающее все общества к постоянному поиску оптимальной для данных условий меры соотношения этих начал.

Так было и на предыдущих этапах истории, когда субъектность общественной деятельности структурировалась преимущественно по вертикали: логика жизненных интересов объединяла людей в большие институционально оформленные общности – классы, нации, государства, выступавшие субъектами исторического творчества. Их политическая деятельность обычно направлялась верхними эшелонами вертикали, представлявшими «универсальные» интересы от лица этих общностей. Развитие обеспечивалось либо гибкостью институтов, допускавших отклонения от установленного порядка (реформы), либо сменой самих институтов вследствие взрыва протестной энергии, накапливавшейся снизу и подрывавшей квазиуниверсальное основание легитимности этих институтов (социальная революция).

Специфика этой проблемы сегодня в том, что начавшаяся социетальная трансформация человеческой цивилизации (переход к информационному обществу) коренным образом меняет коммуникационную среду обитания, дифференцируя субъектность общественной жизнедеятельности и порождая потребность в её сетевой (горизонтальной) структуризации. В результате обнаруживается, что «универсальность» интересов крупных вертикально оформленных общностей весьма относительна. В действительности она формируется на плюралистичной основе «трансверсальных» (частично перекрывающихся и частично расходящихся) частных интересов социальных групп, составляющих эти общности.

При вертикальной структуризации социальной субъектности различия интересов рассматриваются как тормоз консолидации социума, и общественный порядок предполагает их преодоление или ограничение во имя интересов целого. Напротив, в сетевой системе эти различия выдвигаются в центр общественного взаимодействия, расширяя тем самым субъектную базу социальной активности, вовлекая в политическую деятельность «низы» общества.

Возникает потребность в таком общественном порядке, который, гарантируя стабильность и безопасность общественной жизни, в то же время оснащён разветвлённым механизмом регулирования сетевого взаимодействия растущего многообразия индивидуальных и групповых интересов в непрерывном поиске универсальных начал конструктивной солидарности. Очевидно, что подобный механизм не может базироваться на

При вертикальной структуризации социальной субъектности различия интересов рассматриваются как тормоз консолидации социума, и общественный порядок предполагает их преодоление во имя интересов целого. В сетевой системе эти различия выдвигаются в центр общественного взаимодействия, расширяя субъектную базу социальной активности, вовлекая в политическую деятельность «низы» общества.

одном только государственном управлении. Развитие всё более плотной системы сетевых связей меняет конфигурацию властного пространства социума. Качественные перемены, происходящие в коммуникативной среде, в информационных технологиях, распространение социальных сетей приносят в него нечто новое: меняются масштабы властного пространства, функции, субъекты, способы и механизмы властвования.

В каком-то смысле всё более утончается и даже стирается грань между политическим *правлением* обществом и *управлением* происходящими в нём социально-экономическими процессами. Властное поле, с одной стороны, расширяется, а с другой – этим подрывается монополия государства на властное регулирование; само поле становится слишком обширным для выполнения этой функции только сверху, только по вертикали.

Нарастает потребность в органическом единстве государственного управления и общественного народного самоуправления при тесном взаимодействии государства и гражданского общества в осуществлении управленческих и властных функций. Быстро развивающаяся сеть креативной жизнедеятельности требует кардинальных социальных инноваций, соединяющих принципы и практики управления общественными процессами с механизмами самоуправления, самоорганизации и саморегулирования, спонтанно вырастающими из этих процессов.

Энергия общественной самодеятельности востребована сегодня самой динамикой системы властвования в изменяющемся социуме. Это своего рода адекватная политическая реакция на умножающиеся вызовы, неопределённости и риски непредсказуемо развивающейся реальности. В той мере, в какой гражданское общество и его структуры откликаются на эту потребность времени, они выходят за рамки традиционного положения партнёра-оппонента государства и берут на себя некоторую часть властных функций в расширяющемся властном поле. В массовом сознании укореняется мысль, что властная деятельность – отнюдь не удел избранных и вполне доступна всем гражданам. Люди начинают понимать, что в систему властвования могут и должны быть вмонтированы механизмы общественного контроля.

О мониторинговой демократии

Сдвиги в общественном сознании стимулировали новый социальный и политический опыт, нашедший выражение в концепции *мониторинговой демократии*, наиболее полно обоснованной английским политологом Джоном Кином [Keane 2009].

Согласно этой концепции за последние полвека во многих странах мира, благодаря самодеятельному творчеству граждан, возникла сеть низовых организаций наблюдения и контроля над деятельностью власти (power-monitoring and power-controlling devices). Институции и объединения гражданской сети накопили значительный социальный опыт применения различных способов мониторинга и контроля власти. Они берут на себя функции наблюдения за строгим исполнением властью норм права и интересов граждан (watch dogs), а также оказания помощи гражданам в их взаимоотношениях с властными инстанциями (guide dogs) [Keane 2009: XXVI–XXVII].

Цель мониторинговой активности не в том, чтобы «взять власть», а в том, чтобы вынудить действующую власть строго следовать установленному общественному порядку: соблюдать законы и неукоснительно выполнять «социальный контракт» с обществом. Представительная демократия сохраняется, но её «архитектоника» меняется. Мониторинговая сеть самодеятельных ячеек общества, подобно «липкой паутине» (sticky webs), обволакивает государственные институты и организации, лишая их бесконтрольной свободы действий. Происходит «приручение власти» (taming of power). Демократия становится «постоянным публичным сдерживанием власти». Система гражданского мониторинга, по мнению Д. Кина, позволяет «демократизировать идеал демократии», вдохнуть в неё новую жизнь, «обуздать высокомерие власти», привить ей культуру скромности и толерантности [Keane 2009: 848–872]¹.

Эмпирическую базу подтверждения и развития эта гипотетическая перспектива находит в сетевых социальных движениях (ССД).² Они выражают стремление к «трансформации властных отношений», к новой парадигме публичной политики, которая проявляется пока главным образом в открывающихся возможностях прямого выхода обыкновенных граждан на реальные политические плацдармы. В этих действиях можно усматривать эмбрион «имплицитной модели прямой демократии». В «сознании народов» зарождаются и вызревают «проекты новых акторов, утверждающих себя в качестве субъектов вновь творимой истории» [Castells 2012: 170, 228].

¹ «По сути, в современном обществе складывается по преимуществу сетевая система политических взаимодействий. Возникает вопрос: не нарождается ли в быстро развивающемся социуме какой-то новый тип политического правления, кардинально отличающийся от бытующих привычных представлений об институтах, нормах, структурах демократии и автократии? Возможно, в этом феномене возрождается практика прямой демократии, прямого влияния постоянно размышляющего общества на процессы принятия и исполнения политических решений; публичная рефлексия как бы задаёт тон политическому правлению, зримые очертания обретает более высокая форма народовластия» [Красин 2015: 292]. См. подробнее там же с. 289–302.

² Мануэль Кастельс, на протяжении многих лет изучающий эти движения, отмечает, что они «предлагают и практикуют прямую, делиберативную демократию, базирующуюся на сетевой демократии» [Castells 2012: 228].

В мире, где доминируют несправедливость и дегуманизация, эти проекты кажутся «утопией». Но, как подчеркивает М. Кастельс, эта утопия «вновь зажигает надежду на возможность другой жизни». Никто не может сказать, когда наступит час триумфа сетевых движений и настанет ли он вообще. Трансформация социума, направление которой пунктирно намечено практикой ССД, потребует целой исторической эпохи. Быть может, сама эта практика окажется лишь эпизодом грандиозного социетального переворота в освоении человечеством новых ценностей и смыслов, в продвижении по «неизведанной дороге создания новых форм общения», «фундаментальной культурной матрицы современных обществ», «поиска нового социального контракта» [Castells 2012: 197, 230–231].

«Утопия» политического правления нового типа не просто футурологическая иллюзия. Подобный общественный порядок востребован трендами экономического развития. Магистральное направление наметившегося «переформатирования» социума – переход человеческой цивилизации к инновационному типу развития (ИТР), главной движущей силой которого, в отличие от индустриального общества, где эту роль выполняют материальные производительные силы, становятся духовные факторы: знания, информация, интеллект, творчество.

Прорыв к ИТР предъявляет обществу «императивное» требование наиболее полного и всестороннего раскрытия креативного потенциала человека. Для решения этой объективно назревшей задачи необходим такой общественный порядок, который нацелен на глубокое реформирование жизненной среды и всей системы социализации личности на творческих началах гуманистического мировосприятия.

Вызревают контуры общественного порядка, при котором на передний план социально-экономического развития выходит развитие человека как «общественного индивида». Под давлением этой потребности происходит гигантское разрастание социальной сферы, системы институтов и практик раскрытия творческого потенциала человеческого капитала, включающего функции образования, здравоохранения, социального обеспечения, обустройства среды обитания, духовно-ценностного (научного, эстетического, гуманитарного) освоения мира. Наивно думать, что вся эта динамично развивающаяся сеть креативной жизнедеятельности может быть упакована в привычные властные политические и государственные формы. Капитальное переустройство общественного порядка в этом направлении, позволяющем реализовать неисчерпаемые возможности ИТР, становится ключевой проблемой переживаемой человеческой цивилизацией эпохи начавшегося социетального переворота.

Пока общественное сознание человеческого сообщества больше тяготеет к прошлому, чем к будущему, и не адаптировалось к назревшей задаче «переформатирования» социума,

Магистральное направление наметившегося «переформатирования» социума – переход человеческой цивилизации к инновационному типу развития, главной движущей силой которого становятся духовные факторы: знания, информация, интеллект, творчество.

не удивительно, что наметившиеся возможности перераспределения властных функций между государством и обществом реализуются сравнительно медленно и отнюдь не повсеместно. Причины кроются в нынешнем состоянии государственных и гражданских институтов, в состоянии нашего сознания.

Переосмыслить место и роль политики

Современные государства (даже самые демократические) пока не социализированы в системе сетевых связей и функционируют в сфере властных отношений в прежней логике доминирования над обществом. В общественно-политической жизни пока преобладает стремление интегрировать гражданскую активность в систему государственного управления, провести своего рода «огосударствление» гражданских отношений и организаций. Государственная политика пронизана инерционностью вертикальных зависимостей. Для изменения положения, по-видимому, необходимо предварительно переосмыслить место и роль политики в общественном сознании и во всей жизнедеятельности социума. Накопленный на сегодняшний день опыт мониторинговой демократии и сетевых социальных движений свидетельствует, что процесс этот только начался. Скорее всего, новая конфигурация властной сферы потребует больших перемен в соотношении морали и политики. Вместо противопоставления политической *этики ответственности* нравственной *этике убеждения* (Макс Вебер) должна быть найдена формула их оптимального сопряжения в рамках метаидеологии нового гуманизма, устанавливающего более высокие стандарты и критерии свободы и креативности человека и социума.

Изменению конфигурации властного пространства не благоприятствует и состояние гражданского общества, в котором преобладают партикулярные, эгоцентричные и дивергентные тенденции. Понятно, что гражданское общество не может объединиться на какой-либо общей идеологической платформе. Это в принципе невозможно в силу необъятного многообразия частных интересов, образующих его основание и обуславливающих его гетерогенную природу. Тем не менее, перед лицом многочисленных вызовов, рисков и угроз современности гражданское общество накапливает опыт борьбы за *единство в многообразии* на идейно-нравственной платформе метаидеологии нового гуманизма, выражающей общечеловеческие интересы и ценности. Как носитель творческого самодетельного начала в развитии социума гражданское общество таит в себе неисчерпаемые ресурсы общегуманистической солидарности – гражданского фундамента «исторических компромиссов», способных консолидировать глобальный «мир миров». Но пока львиная доля этих гражданских ресурсов не активизирована.

Наконец, реализация открывшихся возможностей перераспределения ролей и функций во властном пространстве затрудняется неразвитостью сложнейших механизмов взаимодействия индивидуального сознания множества людей, разделённых условиями бытия на тысячи и миллионы больших и малых ячеек земного социума, и общественного сознания, сублимированного из всей совокупности разнообразного опыта человечества, и потому многогранного, структурно многослойного, внутренне противоречивого.

В конечном счёте, коренной вопрос демократического устройства общества (справедливый общественный порядок) – это вопрос о том, как совместить свободу индивида, необходимую для раскрытия заложенных в нём способностей, с устройством социума, обеспечивающим эту свободу для всех и приводящим в движение великую силу общественной солидарности.

Ещё Ж. Ж. Руссо бился над решением этой задачи [Руссо 1998]¹. В сущности, это вопрос о соотношении **публичного** и **частного** в жизни общества. Он настолько важен, что его правомерно считать **основным вопросом философии политики**, вокруг которого вращаются как вся политическая практика, так и политическая наука. Скорее всего, задача достижения гармонии между автономией индивида и общественной солидарностью, между свободой личности и организацией социума относится к числу вечных проблем человеческого бытия и воспроизводится по-новому на каждом витке исторической спирали. Всякий раз проблема частного и публичного, свободы индивида и правил общественного устройства возникает как бы заново, и её нельзя решить по единожды выработанному трафарету.

Концепты и стереотипы общественного сознания, хотя и формируются на основе конкретных социальных практик, никогда не являются арифметической суммой бытующих в обществе частных интересов и представлений².

¹ «Найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всю общую силой личность и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется однако только самому себе и остаётся столь же свободным, как и прежде» [Руссо 1998: 207].

² Наряду с зонами согласия и сопряжения частных интересов существуют очаги конфликтов и несовместимости интересов. Поэтому невозможен социальный выбор, который в одинаковой мере отвечал бы всем кластерам частных интересов. Нобелевский лауреат Кеннет Эрроу сформулировал известную «теорему о возможности». Согласно этой теореме, «единственный удовлетворительный способ перехода от индивидуальных вкусов к социальным предпочтениям, который был бы определён для широкого диапазона множеств индивидуальных упорядочений, будет либо навязанным (imposed), либо диктаторским». [Arrow 1963: 59]. Ни свободная избирательная система, ни рыночный механизм не обеспечивают рационального выбора. «Доктрина суверенитета избирателей, – заключает автор, – несовместима с доктриной коллективного выбора» [Arrow 1963: 60]. В переводе на политический язык это означает, что функцию окончательного формулирования публичного интереса и оформления на этой основе публичной политики выполняет специальный общественный институт – государство. Оно соизмеряет противоречивое многообразие частных интересов, прошедших через «центрифугу» публичной сферы.

Коренной вопрос демократического устройства общества – это вопрос о том, как совместить свободу индивида, необходимую для раскрытия заложенных в нём способностей, с устройством социума, обеспечивающим эту свободу для всех и приводящим в движение великую силу общественной солидарности.

Формирование обобщенного видения публичного интереса и общего блага осуществляется через взаимодействие и взаимовлияние разнообразных кластеров частных, групповых, индивидуальных интересов и взглядов. Наиболее сильные группы интересов всегда имеют возможность оказывать определяющее влияние на содержание общественного сознания, используя инструменты идеологического мифотворчества и государственного давления. Индивидуальное сознание оказывается в плену навязанных виртуальных конструкций, сознательно или по инерции внедряемых в общественное сознание господствующими политическими режимами. Достаточно вспомнить произведения Джорджа Оруэлла, в которых показано, как диктаторский режим (отнюдь не безуспешно) вдальбливает в сознание своих граждан ложные представления об окружающей реальности, в итоге воспринимаемые ими в той или иной мере как действительно реальные.

В начале прошлого века американский социолог Уильям Томас сформулировал положение («теорема Томаса») о реальном влиянии воспринятых сознанием представлений на общественную жизнь: «Если ситуации определяются как реальные, они реальны по своим последствиям» [История теоретической... 1998: 275]. Электронные средства коммуникации, глубоко погружая человека в виртуальную реальность, возводят проблему в более высокую степень. В сравнении со вчерашним днём грань, отделяющая «виртуальную» реальность от «настоящей», становится трудно отличимой.

Ситуация быстрых перманентных перемен воспринимается сознанием (как в общественной, так и в индивидуальной ипостаси) чрезвычайно болезненно. Сознанию людей и общества в целом присущ известный консерватизм восприятия окружающего мира. Оценки и смыслы происходящих событий не могут постоянно меняться, иначе люди лишились бы направляющих поведенческих установок и не смогли бы ориентироваться в окружающей среде. Пока темпы исторического развития были сравнительно медленными, это свойство сознания не выходило за пределы противоречий, разрешимых в ходе «нормального» общественного развития. Нынешние темпы перемен, выходя за рамки устоявшихся стереотипов сознания, ввергают его в шоковое состояние, часто выливающееся в драматические коллизии общественной жизнедеятельности.

Внедрение интернета в жизнь общества, создавая базовые предпосылки свободного выбора для индивида, подрывая один из главных устоев авторитарного правления – «монополию на истину», наряду с этим порождает большие трудности для индивидуального сознания. Намного усложняется селекция фактов и точек зрения из безбрежного информационного потока; сознание индивида попадает в запутанный и лишён-

Ситуация быстрых перманентных перемен воспринимается сознанием чрезвычайно болезненно. Сознанию людей и общества в целом присущ известный консерватизм восприятия окружающего мира.

ный чётких очертаний лабиринт сайтов, блогов, порталов, из которого невозможно выбраться без опытного проводника. Для того чтобы пройти между рифами и отмелями интернет-пространства и причалить к архипелагу гражданского восприятия политических реалий, необходим некий «медиа-лоцман», с ролью которого в нынешних условиях не в состоянии справиться ни выдающийся лидер, ни влиятельная партия.

В обществе должна сформироваться высокая политическая культура, сложиться система овладения общественно-политическими знаниями, нравственными и правовыми нормами поведения, должен быть накоплен большой опыт навигации в океане виртуального мира. Всё это требует значительного времени, так как сопряжено с глубокими переменами в публичной сфере, в её структуре и способах функционирования. Только эти изменения могут обеспечить перманентную общественную рефлекссию – благоприятную креативную среду для полноценного развития индивидуального сознания и его включения в процесс реализации новых возможностей гражданского общества в сфере властных отношений.

Российские перспективы

Для России решение этих проблем особенно трудно: свыше трёх десятилетий российское общество находится в процессе глубокой реформации, затронувшей фундаментальные устои нашего бытия и сознания. Разрушен общественный порядок советской эпохи, но ещё не утвердился устойчивый новый порядок, позволяющий говорить об окончательном самоопределении России в трансформирующемся мире, не найдены эффективные рычаги и методы её включения в магистральный поток инновационного развития постиндустриальной эпохи. Подобно маятнику, общество раскачивается между прошлым и будущим. В таком же положении находится и общественное сознание. Рухнули догмы официальной идеологии, сковывавшие самостоятельное творческое мышление. Но одновременно до основания расшатаны ценностные мировоззренческие и нравственные принципы, необходимые каждому человеку для оценки быстро меняющейся ситуации, для определения своих поведенческих позиций. Общественное мнение оказалось беззащитным перед валом иллюзий, мифов, предрассудков, мистики, мракобесия и жульничества. «Разорванное сознание» нуждается в лечении, в нравственных и когнитивных средствах противостояния новым формам догматизма и мифологии.

Продолжается нелёгкий поиск демократических форм жизнедеятельности, не заимствованных у Запада, а самобытных, соответствующих российским социокультурным реалиям. И в то же время не выработано иммунитета от соблазна при-

менения простых и привычных авторитарных способов наведения порядка, удушающих главный ресурс развития социума – человеческий и социальный капитал.

Не способствует демократической трансформации общественного порядка и политическое наследие российской истории. Обширная территория страны, её социокультурное многообразие, суровый климат, перманентные угрозы, исходившие от восточных и западных соседей, – такова самобытная среда, в которой Россия могла сложиться и отстоять себя как единая целостность лишь при наличии сильного сверхцентрализованного государства авторитарного типа. Эта модель государственной власти стала «эволюционным ответом русской цивилизации на исторические вызовы», она глубоко укоренилась в общественном сознании как «инстинкт самосохранения общества» [Пастухов 2015].

Именно государственный инстинкт массового сознания служит источником народной поддержки корпоративно организованной государственно-бюрократической модели власти, которая на авторитарной основе консолидирует российское общество перед лицом многочисленных угроз. Но созданный на этой основе порядок, сковывая плюрализм общественной жизни, иссушает источники креативной энергии для инновационной модернизации социума. Слабеют стимулы и мотивация к творческой жизнедеятельности, к инновационному развитию общества. Если есть выход из этого «рокового» противоречия, то он состоит не в ослаблении государственных начал регулирования общественными процессами. Как показал опыт 1990-х гг., это путь к потере российской идентичности, к анархии и распаду. Но выхода не просматривается и на пути ужесточения авторитарного порядка, сковывающего и сужающего ресурсную базу перехода общества к инновационному типу развития.

Надежда – на эволюционную трансформацию сложившейся модели власти в процессе её адаптации к нарождающейся практике сетевых связей в деятельности гражданских организаций, предпринимательских кругов, в их взаимоотношениях с органами власти. Из этих практик при определённых условиях может вырасти сеть почвенных горизонтальных связей, способствующая устойчивости централизованной государственной вертикали и, по образцу «мониторинговой демократии», оказывающая влияние на формирование общенациональной публичной политики. Эти ситуативные подвиги послужат импульсом к реформированию государства как органа общественного порядка и развития. Востребованные логикой демократической реформации перемены очевидны. Общество ждёт от государства самокритичного отношения к собственной деятельности, «отзывчивости» к запросам людей, демократизма в принятии решений с опорой на

общественную рефлексию и применение механизмов сдержек и противовесов во власти и политической системе. Общество нуждается в государственном аппарате, свободном от высокомерия и бюрократизма, произвола и коррупции чиновничества, работники которого отличаются высоким профессионализмом, неукоснительно соблюдают законность и принципы морали. Главная задача – провести эти реформы, не ослабляя, а усиливая роль государства в регулировании общественной жизнедеятельности.

Библиографический список

Василькова В. 1999. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб.: Лань. 478 с.

История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 3 / Отв. ред. и составитель Ю. Н. Давыдов. М.: Канон, 1998. 448 с.

Красин Ю. 2015. Российская реформация: параметры, противоречия, перспективы // Saarbrücken: Lambert Academic Publishing. 684 с.

Лукреций Кар. 1946. О природе вещей. М.: АН СССР. 448 с.

Луман Н. 2004. Общество как социальная система. М.: Логос. 232 с.

Луман Н. 2007. Введение в системную теорию. М.: Логос. 360 с.

Маркс К. 1956. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура (1839–март 1841) // Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Госполитиздат. 689 с.

Матурана У., Варела Ф. 2001. Дерево познания. Биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс-Традиция. 224 с.

Пастухов В. 2015. Русское самодержавие как цивилизационный ответ на исторический вызов // ПОЛИТ.РУ. URL: <http://polit.ru/article/2015/12/11/autocracy/> [Дата посещения: 15.04.2017].

Пригожин И., Стенгерс И. 1986. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс. 432 с.

Пригожин И., Стенгерс И. 2001. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. М.: Эдиториал УРСС. 238 с.

Руссо Ж. Ж. 1998. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле. 416 с.

Arrow K. 1963. Social Choice and Individual Values. N.Y., L., Sidney: John Wiley & Sons, Inc. 124 p.

Castells M. 2012. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Polity Press, Cambridge, UK-USA, 228 p. .

Keane J. 2009. *The Life and Death of Democracy*. N.Y., London: W.W. Norton and Company. 992 p.

DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.453

The Proportions of “Civil Order” and “Development”

Krasin Yuriy Andreyevich

Doctor of Philosophy, Professor, Main researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: krasinyua@yandex.ru

Abstract. Two attributive principles are inherent to society, which ensure social activities: order and creativity. These two principles are in constant conflict with each other, which forces society into searching for an optimal measure of their correlation. The birth of network structuring of society resulted in the need for such an order, which, while guaranteeing the stability of community life, is equipped with a certain mechanism for regulating the interactions of various private interests, which in turn demands an organic unity of public administration and community self-government. Due to Russia's socio-cultural peculiarities, the country's integrity together with public order is provided by the presence of a strong centralized state system, which hampers the implementation of democratic community self-government. This raises a certain question: is it possible for Russia's existing model of power to undergo an evolutionary democratization during the process of its adaptation to an uprising practice of network connections and interactions?

Keywords: public order, development, informational society, network connections, state rule, community self-government.

References

Arrow K. *Social Choice and Individual Values*. New York, London, Sidney, John Wiley & Sons, Inc., 1963. 124 p.

Castells M. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Polity Press, Cambridge, UK-USA, 2012. 228 p.

Istorija teoreticheskoy sociologii [The History of Theoretical Sociology]. Vol. 3. Ed. by Y. N. Davydov. Moscow, Kanon, 1998. 448 p.

Keane J. *The Life and Death of Democracy*. New York, London, W. W. Norton and Company, 2009. 992 p.

Krasin Y. A. Rossiyskaja reformacija: parametry, protivorechija, perspektivy [The Russian Reformation: Parameters, Contradictions, Prospects]. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing, 2015. 684 p.

Lucrecy Car. O prirode veshchey [About the nature of things]. Moscow, AS of USSR publ., 1946. 448 p.

Luman N. Obschestvo kak social'naja sistema [Society as a Social System]. Moscow, Logos, 2004. 232 p.

Luman N. Vvedenie v sistemnuju teoriju [Einführung in die Systemtheorie]. Moscow, Logos, 2007. 360 p.

Marx C. Razlichie mezhdru naturfilosofiey Demokrita i naturfilosofiey Epikura (1839 – mart 1841) [The Difference between the Natural Philosophy of Democritus and the Natural Philosophy of Epicurus]. Marx C., Engels F. Iz rannih proizvedeniy. Moscow, Gospolitizdat, 1956. 689 p.

Maturana U., Varela F. Drevo poznaniya. Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya. Moscow, Progress-Tradicija, 2001. 224 p.

Pastuhov V. Russkoe samoderzhavie kak civilizatsionny otvet na istorichesky vyzov [Russian Autocracy as a Civilizational Response to the Historic Challenge]. Web portal POLIT.RU. Release 11.12.15. URL: <http://polit.ru/article/2015/12/11/autocracy/> [date of visit: 15.04.2017].

Prigozhin I., Stengers I. Poriadok iz haosa: Novy dialog cheloveka s prirodoy [Order from Chaos: A New Dialogue between Man and Nature]. Moscow, Progress, 1986. 432 p.

Prigozhin I., Stengers I. Vremia, haos, kvant. K resheniju paradoxa vremeni [Time, Chaos, Quantum. To the Solution of the Paradox of Time]. Moscow, Editorial URSS, 2001. 238 p.

Russo J.-J. Ob obschestvennom dogovore. Traktaty [On the social contract. Treatises]. Moscow, KANON-press, Kuchkovo pole, 1998. 416 p.

Vasil'kova V. Poriadok i khaos v razvitii social'nykh system [Order and Chaos in the Development of Social Systems]. Saint-Petersburg, Lan', 1999. 478 p.